

К ИСТОРИИ СЛОЖЕНИЯ «ПОВЕСТИ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ»

Как известно, «Повесть о разорении Рязани Батыем» входит в целый цикл рязанских повестей о Николe Заразском.¹ В этом цикле соединены произведения: «Повесть о принесении иконы Николы Заразского из Корсуня», «Род служителей иконы Николы», «Повесть о разорении Рязани Батыем», Похвала роду рязанских князей, так называемое «Коломенское чудо», и часто присоединяемая к этому циклу Повесть об убиении Батя. Все эти произведения созданы в различное время и различными авторами, но даже сами по себе они не однородны. Неоднородна, в первую очередь, «Повесть о разорении Рязани Батыем».² Ясно, что она пережила сложную литературную историю в составе цикла, а, может быть, еще до своего включения в него.

Изучение литературной истории «Повести о разорении Рязани Батыем» сильно затрудняется, однако, тем, что древнейший ее список — не старше XVI в. (ГБЛ, Волоколамское собр., № 523). На помощь приходит, однако, изучение взаимоотношений «Повести о разорении Рязани» с другими произведениями русской литературы: Повесть уже в XIII, XIV и XV вв. оказала влияние на ряд памятников и в свою очередь сама испытала их влияние, а также воздействие идей и стилей, характерных для той или иной эпохи.

Исключительный интерес для выяснения древнейших этапов сложения «Повести о разорении Рязани Батыем» имеет Синодальный список Новгородской I летописи, где под 1238 г. читается рассказ о нашествии монголо-татар на Рязань. Рассказ этот читается в той части Синодального списка, которая в последнем научном его издании, выполненном А. Н. Насоновым под редакцией М. Н. Тихомирова, определена как относящаяся к первой половине XIV в.³

Рассказ содержит целый ряд текстуальных совпадений с «Повестью о разорении Рязани Батыем».

Синодальный список Новгородской I летописи

В то лето придоша иноплемени-
ници, глаголемии татарове, на землю
Рязаньскую, множество бесчисла,

Повесть о разорении Рязани

Прииде безбожний царь Батый
на Рускую землю со множеством вой
татарскими, и ста на реке на Воро-

¹ Лихачев Д. С. Повести о Николe Заразском: (тексты). — ТОДРЛ, М.; Л., 1949, т. 7, с. 257—406. В дальнейшем все ссылки на текст «Повести о разорении Рязани» по этому изданию.

² Там же, с. 257—264.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова; отв. ред. М. Н. Тихомиров. М.; Л., 1950, с. 5. В дальнейшем все ссылки на Новгородскую I летопись по этому изданию.

аки пружи; и первое пришедше и сташа о Нузле, и взяша ю, и сташа станомъ ту. И оттоле послана послы своя, жену чародеицю и два мужа с нею, к князем рязаньским, просяче у них десятины во всемъ: и в людех, и в князех, и в коних, во всякомъ десятое (с. 74).

И рекоша им князи: «Олна нас всех не будать, тоже все то ваше будеть» (т. 74).

Послана же рязаньстии князи к Юрью Володимирьскому, просяче помочи, или самому поити. Юрьи же сам не поиде, ни послуша князини рязаньскихъ молбы, но сам хоте особь брань створити. Но уже бйше божию гневу не противитися, яко речено бысть древле Исусу Наугиву богомъ; егда веде я на землю обетованую, тогда рече: Аз послию на ня преже вас недоумение, и грозу, и страх, и трепет. Такоже и преже сих отья господь, у нас силу, а недоумение и грозу, и страх, и трепет вложи в нас за грехы наши (с. 74—75).

Тогда же иноплемьеници погани оступиша Рязань и острогомъ оградиша и. . . Татарове же взяша град месяца декабря в 21, а приступили в 16 того же месяца. Такоже избиша князя и княгню, и мужи и жены и дети, черница и черноризницъ, перья, овы огнемъ, а шех мечемъ, поругание черницам и понадыам и добрым женам и девицам пред матерьми и сестрами (с. 75).

Впервые на сходство «Повести о разорении Рязани Батыем» и летописной статьи 1238 г. Новгородской I летописи обратил внимание В. Л. Комарович в статье «Рязанский летописный свод XIII в.»⁴ В. Л. Комарович считал, что в различных летописях сохранились остатки рязанского свода князя Ингваря Ингоревича. В частности, он предполагал, что не только рассказ о нашествии Батыя на Рязань в Новгородской I летописи, но и рассказы в Лаврентьевской, Ипатьевской, Троицкой и др. восходят к рязанскому летописанию. Однако следует сказать, что рассказ Новгородской I летописи о нашествии Батыя на Рязань не похож ни на один другой рассказ летописей о нашествии на Рязань,

няже. И посла на Рязань к великому князю Иньгоревичю Рязанскому послы безделны, просяще десятины во всех во князех, и в людех, и в конех (с. 308).

Благодарный же князь Федор Юрьевичъ посмеяся и рече царю: «Не полезна бо есть нам крестьяном тебе нечестивому царю и безбожну водити жены своя на блуд. Аще нас преодолешь, то и женами нашими владети начнеши» (с. 309).

И после вскоре во град Владимир к великому князю Юрью ко Всеволодичю Владимирскому, прося помочи у него на безбожного царя Батыя, или бы сам пошел. . .

Князь великий Юрьи Всеволодич Владимирской сам не идяше, не послуша совета рязанского, хотя сотворити о себе брань з Батыем. Но противу гневу божию хто постоит, страха и трепету сна вся наиде грех ради наших (с. 310).

И обступила град Рязань, и начаша битися прилежно, и бишася у града пять дней неотступно. . . и взят бысть град Рязань месяца декабря в 21 день. И пожегоша весь град и княгню великую со снохами и с прочими княгинями во церкви соборней мечи пзсекоша, перья и черноризцов до останка пзсекоша. . . (с. 313).

⁴ История русской литературы: В 10-ти т. М.; Л., 1945, т. 2, ч. 1, с. 74—77.

кроме тех, которые имеют непосредственную генетическую зависимость от него. Отмечу, в частности, что рассказ Ипатьевской летописи о нашествии татар на Рязанскую землю не имеет ничего общего с рассказом Новгородской I. Некоторое, отдаленное сходство рассказа Лаврентьевской летописи о нашествии на Рязань⁵ и Новгородской I решительно разбивается о то до сих пор незамеченное обстоятельство, что в основной своей части это сообщение повторяет слова и выражения Повести временных лет о мучениях, которым русские подвергали греческое население по обе стороны пролива Суд в 941 г. Рассказ Лаврентьевской летописи 1237 г. настолько близок к ее же рассказу 941 г., что даже сохраняет детали, имеющие реальное значение лишь для 941 г.

Лаврентьевская
летопись 941 г.

... и всю страну Никомидийскую попленивше и Суд весь пожгоша. Их же емше овех растинаху, другия аки странь поставляюще и стреляху в ня, изимахуть опаки руце связывахуть, гвозди железныи посреди главы вьбивахуть их. Много же, святых церквии огнем предаша, монастыре и села пожгоша и именья немало от обою страну взяша (вып. 1, стб. 44).

Лаврентьевская
летопись 1237 г.

... и до Проньска попленивше Рязань весь и пожгоша, и князя их убиша, их же емше овы растинахуть, другия же стрелами растреляху в ня, а ини опаки руце связывахуть. Много же святых церквии огневи предаша, и монастыре и села пожгоша, именья не мало обою страну взяша (вып. 2, стб. 460).

Это «обою страну» могло касаться только пролива Суд, его обеих сторон, но не Рязанской земли.

Ясно, что рассказ Лаврентьевской летописи не мог принадлежать рязанцу. О князе рязанском сказано там как о постороннем: «князя их убиша». Рассказ Троицкой летописи, как и некоторых других, соответствует рассказу Лаврентьевской. Между тем рассказ Новгородской I летописи действительно указывает на рязанца как на своего составителя: «И кто, братье, о сем не поплачется, кто ся нас остал живых. . . Да и мы то видевше, устрашилися быхом. . .» (с. 75). Косвенно указывает на рязанское происхождение рассказа Новгородской I летописи и то обстоятельство, что Рязань названа в нем просто «град», даты подхода татар к Рязани и взятия города указаны совершенно точно (16 декабря и 21 декабря).

Вся статья 1238 г. в Новгородской I летописи носит компилятивный характер: сперва в ней помещен рязанский рассказ, потом рассказ о взятии Владимира, сходный с Лаврентьевской летописью и восходящий, очевидно, к ростовскому летописанию, затем — выдержка из Поучения о казнях божиих, читающегося в Повести временных лет под 1068 г.

⁵ ПСРЛ, т. 1. Лаврентьевская летопись, вып. 1. Л., 1926; вып. 2. Л., 1927. В дальнейшем все ссылки по этому изданию.

Рязанское происхождение рассказа в Новгородской I летописи согласуется с тем, что в той же летописи под 1218 г. читается и другой рязанский рассказ: об убийстве рязанскими князьями Глебом и Константином своих родственников. На его рязанское происхождение указывает не только содержание, но и обособленность от остального изложения в Новгородской I летописи, ряд подробностей чисто местных, страстность прямого обращения к одним рязанским князьям с обличением их злодеяний и идеализация других.

Есть основание думать, что перед нами не два случайно и независимо друг от друга попавших в Новгород рязанских рассказа, а остатки рязанской летописи. Об этом свидетельствуют в первом рассказе обещание поведать о смерти князя Ингваря, точность дат, имен, перечислений и пр.

Итак, в Новгородской I летописи сохранились под 1218 и 1238 гг. остатки рязанской, весьма литературно украшенной и полной страстного обличительного пафоса летописи. Теперь обратим внимание на то обстоятельство, что в «Повести о разорении Рязани» также наличествуют остатки летописной формы и летописного стиля: «В лето 6745. . .» (с. 308); «месяца декабря в 21 день. . .» (с. 313); «И бысть радость крестьяном, их же избави бог рукою своею крѣпкою от безбожных тотар» (с. 321) и пр.

Нет оснований думать, что рассказ Новгородской I летописи зависит от «Повести о разорении Рязани Батыем». Он отличается от него некоторыми историческими деталями в перечислении имен князей и имеет некоторые живые подробности, которых нет в «Повести о разорении Рязани» (в частности, о татарских послых сообщена любопытная подробность, что среди них была «жена чародейца», сообщается, что татары, обступив Рязань, «острогом оградиша и» и др.).

Можно, скорее всего, думать, что оба повествования — Новгородской I летописи и «Повести о разорении Рязани» — восходят к единому источнику, который в Новгородской I летописи был, возможно, значительно сокращен, а в «Повести о разорении Рязани» расширен вставками. В связи с этим укажем на следующее. Рассказ Новгородской I летописи представляет по своему составу законченное целое. Он оканчивается обычным для такого рода повествований нравоучительным заключением: «И кто, братье, о семь не поплачется, кто ся нас остал живых, како они нужную и горкую смерть подъяша. Да и мы то видевши, устрашилися быхом и грехов своих плакалися с въздыханиемъ день и ноць; мы же въздыхаем день и ноць, пекущися и о имении и о ненависти братьи» (с. 75). После этого следуют слова, указывающие на обращение летописца к другому источнику: «Но на подлежащая възвратимся» (с. 75).

По общему ходу изложения в «Повести о разорении Рязани» далее должен был бы идти рассказ о подвиге Евпатия Коловрата. Но он не нашел в Повести своего отражения, и это не случайно. Не встречается он и во всех тех памятниках конца XIV и XV вв.,

на которые повлияла «Повесть о разорении Рязани». Отсюда можем предполагать, что рассказ о Евпатии — позднейшая вставка, весьма возможно, сделанная на основании фольклорных источников.⁶ Не было в «Повести о разорении Рязани» и рассказа о гибели князя Федора, его жены Евпраксии и сына Федора. Он носит вставной характер и дважды нашел отражение в Повести, очевидно, по недосмотру компилятора. Не было и плача Ингваря Ингоревича, так как он создан явно под влиянием позднейшего плача Евдокии из «Слова о житии и преставлении царя русского и великого князя Дмитрия Ивановича». Характер вставки носит и рассказ о гибели Олега Красного.⁷ Если мы исключим из «Повести о разорении Рязани» все эти вставки, то получим приблизительно то самое содержание, которое отразилось в рассказе Новгородской I летописи о нашествии Батыя на Рязанскую землю. Различие будет только в именах князей и в изображении их похорон. Очень может быть, что это различие также возникло в результате вставок и изменений в «Повести о разорении Рязани» под влиянием местных памятников: в число убитых составитель позднейшей версии Повести включил всех князей, имена которых он смог прочесть на могильных надписях в Успенском соборе старой Рязани или в рязанском княжеском помяннике.⁸

Итак, по нашим предположениям, в основе «Повести о разорении Рязани Батыем» лежит рассказ рязанской летописи, отразившийся в своей наиболее древней версии в первой половине XIV в. в Синодальном списке Новгородской I летописи под 1238 г. и дополненный впоследствии в Повести в разное время фольклорными данными, данными местных легенд и сведениями, почерпнутыми из эпиграфических памятников.

1963

⁶ Песня о Евпатии Коловрате. — В кн.: Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. М.; Л., 1960, с. 58—63.

⁷ См. об этих вставках: Лихачев Д. С. Повести о Николае Зараском, с. 141.

⁸ Волыские повести древней Руси / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1949, с. 141.